

А. Молнар

Университетский центр «Савария» (Венгрия)

**НАИМЕНОВАНИЕ СМЕРТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Л. ТОЛСТОГО («СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»)
И М. УГАРОВА («СМЕРТЬ ИЛЬИ ИЛЬИЧА»)**

Сопоставительный анализ повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и пьесы М. Угарова «Смерть Ильи Ильича» раскрывает общий план произведений сквозь призму действия и мотивики. Затронуты такие образы, как врач, слуга и предметные детали. В произведениях получает исчерпывающее метафорическое освещение не только присвоение имени жизни и смерти, но и многопланово разворачивается проблема физической и душевной болезни как самоосмысления.

Ключевые слова: Л. Толстой; М. Угаров; общие мотивы и образы; наименование смерти.

A. Molnár

**The Name of Death in Works
of L. Tolstoy («The Death of Ivan Ilyich»)
and of M. Ugarov («The Death of Ilya Ilyich»)**

The comparison of the story “The Death of Ivan Ilyich” by L. Tolstoy and the play “The Death of Ilya Ilyich” by M. Ugarov demonstrates the general plan of works through the aspects of the naming of the action and motifs. It affects such images, as the doctor, the servant and the subject details. The works have a comprehensive metaphorical enlightening not only the naming of life and death, as well as the multifocused problem of deploying the physical and mental illness as self-understanding.

Keywords: L. Tolstoy; M. Ugarov; general motifs and images; naming of death.

В статье рассматриваются пути активизации смыслового плана повести позапрошлого века — «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого — в постмодернистском произведении — в пьесе М. Угарова «Смерть Ильи Ильича». Диалог пьесы с претекстами понимается не как простое заимствование литературных тем или их влияние, а как творческое переосмыс-

ление, порождающее новый «продукт». Форма цитации произведения XIX века создает конфронтацию с ситуацией, в которой находится современный человек. Взаимодействие «старого» и «нового» слова в произведении рубежа XX–XXI века предстает как драматический дискурс.

У анализируемого произведения Угарова больше источников, и оно может быть соотносимо не с одним претекстом (так, ранее нами были рассмотрены интертекстуальные связи романа И. Гончарова «Обломов» и пьесы М. Угарова «Смерть Ильи Ильича» [1]). Как и Толстой в повести «Смерть Ивана Ильича», Угаров в своей пьесе обращается к проблемам жизни и смерти, в том числе оба автора ведут поиски наиболее правильного наименования болезни, с одной стороны, и смерти, с другой.

Отказ гончаровского Обломова от суетности жизни позволяет ему не утруждаться, тогда как любовь заставляет увидеть жизненные трудности. Эта же проблема возникает в жизни Ивана Ильича в начале повести Толстого. Если жизнь героя до болезни была связана с радостью движения, то болезнь лишила его этого удовольствия. Текст- и смыслообразование современной модернистской пьесы проецируется прежде всего на роман «Обломов». Рекомендации «докторов», а также Штольца и Ольги в отношении болезни Ильи Ильича в пьесе Угарова не отвечают интересам Обломова: «Утреннее умывание... Мокрое полотенце... Гимнастика...» [3].

Доктор в романе Гончарова показан как человек, внимательный к пациенту. Позже и Толстой покажет в докторам профессионализм поведения. Угаровский доктор Аркадий молод, но старается показать себя лицом значительным: «Представиться по полной форме, не торопясь, не волнуясь. Говорить нужно медленно, как бы обдумывая сказанное. Очки нужно завести для солидности, вот что!» [3]. Он выражается категорично («веско», «горячо»), подобно врачам-судьям в повести Толстого: «Всякий человек в чем-нибудь да виноват» [3]. Аркадий убежден, что другие доктора из-за недостаточности своей квалификации не обнаружили у Обломова никакой болезни: они разглядели только физические симптомы ипохондрии, но «не нашли ей [болезни] названия» [3].

Аркадий отказывается лечить больного, но обещает определить его болезнь. Такой подход подается как новейший метод душевного анализа: «Наука показывает, — как только больной узнает название своей болезни, — у него тотчас же все как рукой снимает!» [3]. В результате поиска наименования болезни Обломова и посвящена пьеса Угарова.

Самая естественная, с прагматической точки зрения, причина болезни угаровского Обломова — как и его необычности, исключительности и странности — состоит в том, что он 14 раз ударился головой, когда катался с горки на санях. Обломов в пьесе рассуждает о том, на какие части делится голова, и доказывает «умному» Штольцу, что для коммерческой деятельности требуется только часть человека. Источником этой модернистской сентенции может быть и идея Толстого, согласно которой при жизни люди не отличаются друг от друга, и только смерть вызывает необходимость их разграничения.

В пьесе Угарова неполнота существования свойственна любви. Любовь в этом произведении определяется как болезнь. Угаров обыгрывает сцену из гончаровского романа, когда герой смотрится в зеркало и пытается понять, достоин ли он Ольги. В зеркале же ищет изменения в своем физическом облике и герой Толстого, осознавая эти изменения как результат смертельной болезни. Главное событие в жизни Обломова кроется в его поступке: испытывая чувство любви, он духовно оживает, встает с дивана и начинает действовать. Иван Ильич в результате своей болезни прозревает и осознает необходимость любви к ближнему, выраженной в форме принятия смерти.

Герой Угарова чувствует себя смертельно больным, боится умереть и требует лечения. Доктор Аркадий утверждает, что любые болезни — следствие душевных травм: «Сделал что-то худое. И сам себя наказал» [3]. Он называет болезнь Обломова «невидимой» и заключает: «все от головы» [3]. Однако в дальнейшем он утверждает, что «причина и следствие не имеют связи» [3]. Связь «причина – следствие» роднят модернистскую пьесу с повестью Толстого, поскольку болезнь и смерть Ивана Ильича показаны

как длительный, мучительный процесс, являющийся наказанием за неправильно прожитую жизнь.

Мотивы «души» и «головы» играют важную роль в повести Толстого, в которой показано, что физическая, душевная и ментальная болезнь Ивана Ильича начинается с удара в левый бок. В эпиграфе к пьесе Угарова дана фальшивая справка о здоровье главного героя (для его увольнения со службы). Она дословно взята из романа Гончарова. В ней утверждается, что у героя «отолщение сердца с расширением левого желудочка», что предписывает ему воздержание «от умственного занятия и всякой деятельности» [3]. Болезнь сердца становится причиной ухода героя со службы и постоянного пребывания на диване.

Для титульных героев указанных произведений характерна малоподвижность, что способствует как процессам осмысления жизни, так и демонстрации своей обособленности от общества. Угаровский Обломов отрицает дело: «...мало тут человека-то нужно — дело делать!» [3]. Симптомы болезни пациента обнаруживаются и у врача: он все лежит на диване, и ему не хочется больше вставать. Если в гончаровском Обломове показывается неустанное осмысление жизни, а также если Илья Ильич находится в постоянных метаниях, угаровский герой незамысловат: «Накрыл голову ладонями, и оказался “в домике”. И сразу успокоился, выражение лица сделалось ровным. И — родилась мысль» [3].

В пьесе Угарова в ответ на вопрос Штольца о смысле жизни без труда и страстей герой находит виноватых: «Ведь это только литераторы делают себе вопрос: зачем дана жизнь? И отвечают на него. А добрые люди? Добрые люди живут, зная себя, в покое и бездействии» [3]. Такое объяснение у Гончарова, безусловно, отсутствует. Современный же драматург-модернист переставляет акценты. В разговоре с Ольгой Обломов рассуждает пессимистически, что у него «жизнь ненужная» [3]. Подтверждение или отвержение этих слов остается за пределами пьесы. Литературным источником в данном случае является скорее повесть Толстого, в которой размышления Ивана Ильича подчеркнута связаны с экзистенциальными проблемами переосмысления жизни.

Несомненна связь сцены смерти героя Угарова со сценой смерти героя в романе Гончарова: «Никто не видал, как умер, и стоны предсмертного не слышали. Без мучений. Удар, говорят. <...> Только руку успел прижать к сердцу. Видно, болело» [3]. Однако ее литературным источником служит скорее повесть Толстого. Слова и выражения «винтит», «колет», «в левом боку», «тяжелое дыхание» в пьесе Угарова получают развитие: «Что-то шевелится и толкает? <...> И в левом боку — будто колышек?» [3]. Даже боль любви сопряжена с болью умирающего человека: «У сердца, в левом боку, как будто болит. Даже дышать тяжело» [3]. Последствия этих ударов — ограниченность движения, онемение в теле, страх смерти — детализуются как в повести Толстого, так и в пьесе Угарова. Наименование болезни и смерти Обломова в пьесе Угарова — «тотус». Такое присвоение имени становится особенно значимым в свете повести Толстого, в которой ни болезнь, ни смерть не получают особого наименования. Повествователь сообщает о видимой стороне смертельной болезни Ивана Ильича через восприятие окружающих людей: «знали, что его болезнь неизлечима», «ему не подняться», хотя «казалось, что он поправится» [2: с. 137–138]. Описание симптомов и физических страданий как процесс умирания развертывается в повести постепенно.

Для изображения болезни Ивана Ильича Толстой вводит двойное отрицание: болезнь (с симптоматикой странного вкуса во рту и неловкости в левой стороне живота) на первых порах «нельзя было назвать нездоровьем» [2: с. 155]. Однако показано, что состояние героя стало портить ему «приятность легкой и приятной жизни» [2: с. 155]. С нарастанием неловкости (как отрицания прежней подвижности) происходит осознание «постоянной тяжести в боку» (как отрицание прежней легкости), в результате возникает вечно «дурное расположение духа» (как отрицание прежней веселости). Оказывается, что вкус (приторный и безнадешный) лучше других инструментов формирования чувства информирует человека о внутренней дестабилизации.

В дальнейшем в повести говорится о том, что герой Толстого находит временное облегчение благодаря лекарствам, т. е. с ис-

полнением врачебных предписаний. При этом главный интерес его жизни сдвигается в сторону изучения людских болезней, чтения медицинских книг и усвоения этого языка, на котором он старается назвать свою болезнь. Не осознавая безысходности своего состояния, он стремится найти выход («исправлю», «поборю»), но эти проявления воли оказываются неэффективными. Герой «падает в отчаяние», злится на свое несчастье, на людей, на врачей, которые «убивают», «раздражают» его. Нарушается привычное спокойствие. Не помогают ни гомеопатия, ни целительство с помощью иконы. Стираются грани жизни: «всё было всё равно, всё было одно и то же: ноющая, <...> мучительная боль; сознание безнадежно уходящей <...> жизни» [2: с. 169]. Вместе с тем герой стонет не только от физической боли, но и от тоски. Мучительнее всего он переживает то, что теперь видит ложь, на которую закрывал глаза. Героя начинает занимать вопрос о смысле существования («зачем?»). Это обозначено метафорическим предикатом действия «черной дыры», которая «поглощает» его. Перед неминуемым («на краю пропасти») человек начинает размышлять о жизни и чувствовать свое одиночество, заброшенность, утрату всякой связи как с людьми, так и с Богом. Иван Ильич продолжает обвинять какого-то другого — какое-то высшее существо, не понимая, что прежде отступил от него. Поэтому герой не находит истинного определения того, что с ним происходит.

По мере нарастания болезни усиливаются признаки превращения Ивана Ильича в ребенка. Герасим выполняет обязанности няни, сиделки. Он и кормит больного, и берет на себя самую грязную работу — выносит «судно за Иваном Ильичем». Только Герасим понимает, что перед смертью все равны, и в свою очередь «надеется, что и для него кто-нибудь в его время понесет тот же труд» [2: с. 168].

На первый взгляд, комические сцены между Обломовым и Захаром не имеют ничего общего со сценами с участием Ивана Ильича и Герасима. Толстовский Герасим при Иване Ильиче выполняет более действенную роль, чем гончаровский Захар при Обломове. Угаров в своей пьесе еще более усиливает этот мотив.

И Гончаров, и Толстой подчеркивают в героях, находящихся на определенных этапах своего жизненного существования, некую детскость. В повести Толстого больной Иван Ильич требует к себе внимания и жалости, как ребенок. Страдает его самолюбие, ему хочется ласки, утешения. При этом он забывает о своем высоком положении члена судебной палаты и о том, что он постаревший человек с седеющей бородой. В воспоминаниях он возвращается в свое счастливое детство. Требуется переоценка прежней жизни — ее переименование. Мучения и смерть будут лишены смысла, пока герой полностью не отвергнет «всю законность, правильность и приличие своей жизни» [2: с. 177]. В герое начинается процесс переосмысления собственного прошлого. После вспрыскивания болеутоляющего Иван Ильич забывается. Моменты прозрения и просветления происходят во мраке. Метафора темноты подчеркивает недостоверность того, что человек воспринимает с помощью зрения. По мере приобретения героем настоящего видения в повести сильнее акцентируется визуальный эффект: «...с глазу на глаз с *нею*, а делать с *нею* нечего. Только смотреть на *нее* и холодеть» [2: с. 166]. В диалог с неизвестным, неназванным нельзя вступить при помощи зрения. Но главный акцент в высказывании падает на то, как — с использованием местоимения — переименовывается смерть.

Иван Ильич начинает осознавать, что страшное и ужасное то, что «неминуемо». Для умирающего это «ужасный», «страшный торжественный акт», а для других, живых, этот акт низводится до уровня светских визитов и обедов, т. е. того, что покрывается ложью: «...страшная, ненавистная смерть, которая одна была действительность, и всё так же ложь» [2: с. 169]. Имя данной силы не должно быть произнесено. Героя захлестывает «невидимая непреодолимая сила». Возникает метафора черного мешка, которая интерпретируется исследователями по-разному — как могила, лоно, дыра / тоннель смерти в иное бытие и др. Обращает на себя внимание связь этого образа с проходным, казалось бы, образом из романа «Анна Каренина»: это человек, ковыряющийся в мешке, который предвещает смерть.

Повествователь в произведении Толстого подробно, в деталях описывает состояние героя, подчеркивая заслуженность такого умирания. Мучение получает предметную метафоризацию, которая пронизывает текст: с приближением конца герой чувствует, что его «с болью суют куда-то в узкий черный мешок» [2: с. 174]. Герою представляется, что он находится в полете: «я лечу...», тогда как на самом деле он лежит навзничь и не может видеть окружающего («глядел на спинку дивана»); приходят моменты «страшного падения, толчка и разрушения» [2: с. 177].

Герой повести Толстого становится готовым к смерти не только благодаря «отречению от всей прежней жизни» и осознанию своей вины, но и потому, что он пришел к необходимости просить прощения и пожертвовать собой ради других: «...вдруг какая-то сила толкнула его в грудь [в сердце], в бок [место боли], еще сильнее сдавило ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то» [2: с. 180]. Снова возникает отсылка к «Анне Карениной» через средство метафоры железной дороги как разрушающего начала человеческого пути: «...с ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление» [2: с. 180]. Перемещение из одного мира в другой отмечается обратным направлением в движении поезда.

Возможность «поправления» кроется в открытом принятии правды и проявлении глубоких чувств. Герой осознает необходимость любить и жалеть близких, но уже вербально оформить свои желания, выговорить их не успеваает. Он понимает, что должен сделать, чтобы это правильно выразить и принести прощение за страдание, причиненное своим близким. Он почувствует жалость и к жене, у которой вид тоже «неприличный», «необычный»: «с неотертыми слезами» [2: с. 180]. Произнесенные слова кажутся несущественными, однако они отражают уже новый — метафорический смысл происходящего. Скрытое до сих пор под местоимениями имя болезни и смерти здесь именуется как «конец», обозначающий окончание текста, а существование смерти отрицается как начало новой жизни.

Именно эту мысль о наименовании смерти подхватывает Угаров, оформив ее как «тотус», — и на ее основе создает свою пьесу.

Литература

1. *Молнар А.* Болезнь и игра в романе И.А. Гончарова «Обломов» и в пьесе М. Угарова «Смерть Ильи Ильича» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. VIII. Вильнюс: Edukologija, 2013. С. 36–46.
2. *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича // Толстой Л.Н. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 137–181.
3. *Угаров М.Ю.* Смерть Ильи Ильича. URL: http://www.theatre-library.ru/files/u/ugarov/ugarov_3.html (дата обращения: 15.01.2014 г.).

References

1. *Molnar A.* Bolezn' i igra v romane I.A. Goncharova «Oblomov» i v p'ese M. Ugarova «Smert' Il'i Il'icha» // Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st. Vy'p. VIII. Vil'nyus: Edukologija, 2013. S. 36–46.
2. *Tolstoj L.N.* Smert' Ivana Il'icha // Tolstoj L.N. Povesti i rasskazy'. M.: Sov. Rossiya, 1984. S. 137–181.
3. *Ugarov M.Yu.* Smert' Il'i Il'icha. URL: http://www.theatre-library.ru/files/u/ugarov/ugarov_3.html (data obrashheniya: 15.01.2014 g.).